

Многовековые деревья своими кронами превратили небольшой лесок в темную обитель, и редкий солнечный лучик способен был пробиться через густую листву, чтобы достичь земли и давно погибшей травы. Толстые корни создавали диковинный узор, превращая чащу в полосу препятствий, пробраться через которую мог лишь сильный и выносливый человек.

Последний раз люди в этой проклятой чаще появлялись давным-давно, даже небольшой пруд, что располагался почти по центру странного леса и был единственным местом, куда могло пробраться солнце, уже не привлекал жителей окрестных поселений, решивших, что себе дороже пытаться получить хоть какой-то дар от этого заброшенного и мрачного места.

Впрочем, даже из этого правила нашлось исключение — молодой парень двадцати зим от роду сейчас направлялся уверенным шагом по вытоптанной им самим тропинке. Рослый, с оформившимися мышцами, как и положено ученику кузнеца, он был обладателем жгуче-черных волос, уложенных в небрежную короткую прическу, на теле его была легкая черная рубаха и штаны, а за спиной была дорожная сумка и ножны с простеньким мечом.

Леонард, а именно так звали парня, пусть и мог в будущем неплохо зарабатывать в качестве кузнеца, особенно сейчас, когда на землях поблизости нашли новые месторождения руды, был вынужден осваивать и военное мастерство фехтования, тем более, что он был самым и сильным, и быстрым в деревне... Пусть даже и сравнивать было особо не с кем.

Чудовища и мифические существа, населяющие этот мир, уже давненько вмешивались в жизнь простого люда, и далеко не все из них были достаточно безобидны, чтобы ограничиться скромными дарами или оберегающими молитвами. Хоть и говорили, что где-то далеко на Востоке есть Академии божественных воинов, чьи студенты способны дать отпор сверхъестественной погани, в их отдаленной глуши можно было рассчитывать только на себя. Особенно когда речь шла о больших деньгах.

Старый кузнец как всегда мучился от бессонницы, попивая вино на крыльце своей ветхой хижины, когда заметил упавшую звезду — слишком далекую, чтобы попытаться отыскать ее самостоятельно, но достаточно близкую, чтобы поручить это Лео. Учитывая, что клинки из звездного металла были чудо как хороши против даже самых сильных ёкай[1], за подобное оружие можно было бы выручить кругленькую сумму... Достаточно круглую, даже если поделиться с учеником.

Раз за разом, практически каждый день на протяжении многих лет, Лео тренировался именно в лесу, в который упала звезда. Поэтому парень с энтузиазмом принял поручение, вот только опасения подтвердились слишком быстро — как и предполагал Лео, звездный металл приземлился где-то в самом центре чащи, может быть даже в пруд, единственное место, куда он опасался заходить, чуть ли не нутром ощущая исходящую от этого водоема опасность.

Последние необхватные деревья оказались позади, открывая вид на гладкую, что зеркало, поверхность пруда с небольшим островком посередине, на котором в центре свежего кратера можно было разглядеть кусок не то камня, не то металла неровной формы. К островку был любезно проложен деревянный мостик, покрытый мхом и потемневший от времени, а в остальном вокруг стояла могильная тишина — все подсказывало, что Лео был первым

человеком, появившимся здесь за многие годы.

Извлекая клинок с тихим лязгом, парень осмотрелся, подозревая, что лес наверняка пришел в запустение под влиянием какого-то ёкая, пусть даже тварь не показала себя за все те долгие вечера, что Лео использовал деревья в качестве тренажеров. Ничего. Ни пения птиц, ни криков животных, ни даже шелеста от легкого ветерка, который оставил на поверхности пруда еле заметную рябь. Или это было течение? Вряд ли.

Осторожно шагнув в сторону воды, Лео неотрывно наблюдал за прудом, выставив меч перед собой. Еще один шаг... До водной глади оставалось чуть больше метра, и, остановившись, Лео медленно вытащил из кармана припасенную веточку, осторожно бросив ее вперед так, чтобы кончик вошел в воду.

Тишина. Облизав губы, показавшиеся слишком сухими, Лео подошел поближе к мостику и, вновь замерев на десяток секунд, резким взмахом отсек кусочек трухлявой древесины — ничего не произошло, и парень бегом бросился через хлипкую переправу, вмиг оказавшись на островке. Камень казался до сих пор горячим, но парню было не до размышлений, он просто торопливо запихнул громоздкий булыжник в сумку и, встав, слишком поздно заметил неожиданно показавшееся из-за облаков солнце. Из-за яркого света тень парня увеличилась, скользнув по глади воды, и в тот же миг ноги Лео оказались опутаны толстой паутиной. Резко дернув нити на себя, живущий в пруде нуси, паукообразный ёкай, одним рывком сбил Лео с ног, окунув его в зловонную стоячую жижу пруда.

Успев задержать дыхание, Лео вцепился в рукоять меча мёртвой хваткой, и, не думая больше ни о чем, судорожно пытался перерезать толстые нити существа — вода затрудняла движения, а нечеловеческая сила сверхъестественной твари не позволяла надолго сосредоточиться на деле — нуси раз за разом мотал свою добычу из стороны в сторону, ожидая, когда она захлебнется и потеряет волю к сопротивлению.

Вцепившись рукой в нить, Лео резко надавил на паутину, чувствуя нестерпимую боль в ноге от туго стягивающей плоть нити, и, наконец-то, смог надрезать часть волокон. Озверевший ёкай резким взмахом, удивительно ловко двигаясь в воде, разломил клинок напополам и, дернув пленника на себя, уже собирался полакомиться свежим мясом, но схлопотал пинок в бесформенную морду, на миг ослабив хватку длинных мерзких лапок.

Полоснув обломком по натянутым нитям, Лео смог высвободиться и резким гребком вытащил себя на поверхность. Слишком далеко до края пруда! Вцепившись обломком меча в трухлявый мостик, парень подтянулся и перевалился с другой стороны: новые нити, выпущенные следом за ним, зацепили переправу и дернули на себя, вырывая прогнившие крепления и оглашая окрестности громким хрустом лопнувшей древесины. Еще немного — судорожно пlying, но все еще не желая оставлять свою добычу, Лео вцепился пальцами в грязный берег, пытаясь выкарабкаться, когда вдруг все его тело словно онемело. Не в силах пошевелиться, парень лишь просто наблюдал за тем, как все его естество охватывает яркое свечение, а затем он вмиг очутился где-то на полу...

Яркий солнечный день постепенно оставлял свои владения, уступая красочным сумеркам, на фоне которых порхающие лепестки сакуры казались особенно белоснежными. Где-то мерно раздавался стук содзу[2], когда коромысло раз за разом наполнялось водой, но сейчас все были заняты куда более важным занятием: собравшись у алтаря, простой люд в порядке очереди хлопал в ладоши и даровал монетки, после чего мелодично позвякивал колокольчик, и так повторялось вновь и вновь.

Еще один стук содзу — и один из мужчин, подняв взгляд, в благоговении и почтении упал на колени, увидев перед собой девушку в пестрой юкате[3]. Ее длинные черные волосы подчеркивали бледность кожи, женственные формы были отлично подчеркнуты идеально лежащей на теле тканью, а яркие звериные глаза красавицы пристально смотрели на мужчину и прочих собравшихся. Черные лисьи ушки кицунэ шевельнулись, а затем в такт им колыхнулся шикарный пушистый лисий хвост с мехом такого же оттенка, разве что кончик был серебристым.

— Генко-сама, Генко-сама! Мы так рады... Мы уже и не ожидали, что вы нас посетите, мы ведь всего лишь простые деревенские...

— Мы чтим всех последователей Инари-сама, Такахаси-сан, — милым голосом сказала девушка, ответив вежливым легким поклоном на радушное приветствие жителей, пока ее помощница, невзрачная девушка в легких самурайских доспехах и с волосами, собранными в пучок, торопливо собирала монетки, закатившиеся за алтарь. — Что за беда с вами приключилась? В чем можем мы помочь?

— Великая Генко-сама, вы даже знаете мое имя! — польстившись на подобное проявление лисицы, старейшина не сразу спохватился. — Мы сами не слишком-то посвящены в детали, — продолжил мужчина, слегка отошедший от первого шока и восхищения. — С недавних пор крестьяне, что на поля отправляются, начали исчезать. Люд поговаривает, что кто-то завелся у деревьев, что поле нашего господина окружают, но жертвы нашлись и среди тех, кто вглубь не забирался... Пожалуйста, Генко-сама!

— Я займусь! — неожиданно раздался голос позади толпы, а у черношерстной лисицы даже глаз задергался, когда она увидела источник. — Распоряжение Академии, выкуси, коза. И ты, как-тебя-там, монетки оставила, быстро!

Люди сами собой расступались, кто удивленный, кто пораженный подобным отношением к посланнице Инари, но по мере того, как внесшая сумятицу девица продвигалась к храму, все сомнения постепенно устранились сами собой.

В облегающей белой блузке и в ультракороткой мини-юбке, которая задиралась еще больше из-за движений пушистого белоснежного хвоста, с нахальной улыбкой на красивом загорелом личике, объявившаяся кицунэ-блондинка громко цокала каблучками высоких сапожек, пока не поравнялась с Генко.

— Шакко-тян, ну что ты, могла бы и потом зайти, — процедила сквозь зубы лисица в юкате,

на что новоявленная девушка лишь издала фырканье, шевельнув белыми ушками. — Даже Лисьи Норы не освоила, балбеска.., — прошептала раздраженная девица.

— Вот еще. Давай-давай, не задерживай добрых людей. И монету гони, ну, сколько ждать? — призывно пошевелив пальчиками на протянутой ладошке, Шакко издала что-то вроде радостного тьяканья, когда у нее в руке оказались монетки.

— Простите, Шакко...-с-сан, — кое-как выдавил из себя старейшина, на что хвост лисицы распушился, и она, повернувшись к мужчине, недружелюбно нахмурилась.

— Что-то не так?

— Может... Не сочтите за сомнение... Может, Генко-сама займется. А?

— Фыр! — показав язык, Шакко вприпрыжку унеслась из храма, успев сложить монетки в небольшой клатч, после чего все-таки достала одну и, выудив из сумочки смартфон, сделала фото на фоне пяти йен.

Примерно слышав, о чем речь, Шакко не стала отправляться на грязное поле, а практически сразу нацелилась на отдаленные пересохшие деревья с большими дуплами. Они смотрелись слишком обособленно и неестественно на фоне остальной местности, что и заинтересовало девушку. Слегка подлетев в воздух, чтобы не запачкать сапожки и разведать округу, лисица наострила ушки, заодно присматриваясь к последним лучикам солнца, выглядывающим из-за горизонта, частично скрытого за огромной священной горой, чья снежная шапка казалась нежно-розовой в такие моменты.

— Оума-га доки, время встречи с демоном, — прошептала себе под нос девушка, даже вдруг поежившись от неожиданного ветра, но схватить пушистый хвостик оказалось достаточно для того, чтобы почувствовать себя лучше.

Прислушиваясь, Шакко слегка дернулась и вскоре спикировала вниз, заметив мерзкое существо. Чуть больше метра в длину, сантиметров пятнадцать в диаметре, большая гусеница валялась возле дерева, а из ее огромной зубастой пасти торчала окровавленная нога, медленно проходящая внутрь тела существа по мере того, как ёкай шевелил челюстями.

Сморщившись, Шакко осмотрелась и, решив, что никто не видит, все же осторожно прикрыла рот ладошкой, после чего послышался звук, будто она сплюнула прямо в руку — на загорелой коже медленно разгорался шарик пламени, а затем девушка, крутанув пушистым хвостом в воздухе, отправила мощный огненный шар напрямик в гусеницу-нодзути. Испуганно заверещав и завизжав от боли, волосатое существо тут же стало скукоживаться от жара, пока не исчезло совсем, оставив лишь полупереваренные кости после себя.

Мягко приземлившись неподалеку, Шакко шевельнула ушком, прислушиваясь, и, сделав еще пару фотографий, хотела было уже уйти, как вдруг услышала шаги — обернувшись, она

приметила согбенную фигурку монаха, чья голова была прикрыта балахоном. Протянув руку в сторону девушки, мужчина будто бы подался в ее сторону, но Шакко, фыркнув, создала новый шарик пламени.

— Не обманешь, тварюшка.

— Гоменасай[4]! — стоя на коленях в кабинете директора, Шакко прижала ушки к голове, пока ее отчитывали. Лисица с белоснежным мехом, несмотря на внешность молодой девушки, все равно создавала впечатление опытной и мудрой женщины, что легко читалось по глазам, поэтому к ней обращались не иначе, как «Бьякко-сенсей».

— Шакко, извинений мало! Мы должны помогать людям, а не калечить их! И что делать с полем? Ты все его спалила! — ушки белоснежной лисицы мелко подрагивали от гнева, пока хвост тихо шелестел, касаясь обивки большого кресла. Директор была настолько разъярена, что часть бумаг, лежащих на столе, уже давно спорхнула на пол от колебаний воздуха, вызванных движениями ее хвоста.

— Гоменасай, мама!

— Не мамкай! Ты такая же ученица, как и все, я не вправе делать для тебя особые условия... Один твой вид уже был бы достаточен для того, чтобы тебя выгнать, бунтарская ты лиса! Где юката?! И прости меня Инари-сама, но почему ты таскаешь с собой еще и это порождение Древних?! — потрясая смартфоном, директор подошла ближе и схватила дочь за ушко.

— Ай-яй-яй! Я поняла, поняла! Но монах мог быть нодзути, разве нет?! — пытаюсь высвободить ушко из цепких пальцев матери, девушка подлетела в воздух, за что и потеряла власть над вторым ухом.

Прищурившись, Бьякко отпустила дочку, и та, схватившись за ушки, обиженно надула щеки.

— Мог быть. Потому и не отстраняю тебя от практики, однако... Теперь будет одно условие, — коварно усмехнувшись, белоснежная кичунэ подошла к столу и глянула на дочь через плечо. — Ты должна призвать себе кичунэ-цуки[5].

Широко раскрыв глаза, Шакко издала фыркание, но быстро замолчала под грозным взглядом матери. Ей ничуть не хотелось обременять себя «помощницей», тем более, если получится такая, что будет постоянно ныть и причитать, что все не по традициям... Одной как-то проще.

— Не смотри так. Призыв и совместное проживание, как и служение Инари-сама, дисциплинируют, хочешь ты сама подобного или нет! — безапелляционным тоном заявила Бьякко, кивнув сама себе так сильно, что ушки качнулись. — Я уж постараюсь, чтобы тебе

нашлась достойная компаньонка... Говорят, что в Мотоносуми-инари[6] приходило уже немало воинственно настроенных мико[7], так что самое время и тебе обзавестись поддержкой! — уверенным тоном закончила директор, твердо решившая, что убедила дочь.

«Ага, и вынесут мне мозг божественными делами...» — подумала Шакко, но сказать вслух не рискнула. Безвольно повисший хвостик, прижатые ушки и скорбь на лице выражали полное повиновение словам матери, так что уже буквально через пять минут девушка оказалась во внутреннем храме академии в окружении других учениц, преподавателей и, конечно, Бьякко.

Зачерпнув ковшиком воды из источника Призыва, связывающего ученицу и призываемую компаньонку, как дуэт Сюрью, «начальника», и «ёриката», помощника, Шакко проглотила немного жидкости и, держа в руке древнюю глиняную чашечку с кутиками но сакэ[8], созданным Небесной лисицей, взяла небольшой листок бумаги. На нем сами собой стали формироваться символы, затем зал озарила яркая вспышка — и перед ногами Шакко оказался абсолютно мокрый черноволосый парень с раздутым рюкзаком за спиной.

— Мужчина?! — ахнув, все лисицы начали тихо перешептываться, пока Бьякко, постаравшаяся не выдать свое изумление, не захлопала в ладоши, призывая затихнуть.

<http://tl.rulate.ru/book/16792/550047>